

В заключение отметим, что рецензируемая книга будет интересна и полезна историкам, этнографам, музеоведам, лингвистам, краеведам. Записанные С.Н. Джанашиа 80 лет назад “в поле” этнографические материалы, как свидетельства очевидца и богатый первоисточник, никогда не утратят своего значения. Не менее важны также переводы статей С.Н. Джанашиа и работ, посвященных его деятельности и творческому наследию. Теперь, когда эти материалы изданы на русском языке и стали доступны более широкому кругу специалистов, несомненно, к ним будут обращаться все те, кого интересует этот район Кавказа. Кроме того, материалы этой книги говорят о плодотворности того подхода, который был характерен для творчества грузинского историка – не замыкаться в рамках одного региона Кавказа, но искать взаимосвязи с соседями ближними и дальними, находить там ответы на многие нерешенные вопросы прошлого.

Литература

Джанашиа 1968 – Джанашиа С.Н. Труды. Т. IV / Под ред. В.Т. Топуриа и К.В. Ломтатидзе. Тбилиси, 1968. (на груз. яз.).

ЭО, 2010 г., № 3

© А.О. Захаров. Рец. на: *From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra* / Eds. D. Bonatz, J. Miksic, J.D. Neidel, M.L. Tjoa-Bonatz. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. XIV, 509 p., il.

Коллективная монография “Из старых сказок: археология и этническая история горных районов Суматры” представляет собой опыт переосмысления накопленного материала о сообществах нагорий Суматры. Она состоит из “Введения” и четырех частей: “Общее”, “Северная Суматра”, “Центральная Суматра” и “Южная Суматра”.

“Введение”, написанное Д. Бонацем (Германия), Дж. Миксичем (Сингапур), Дж.Д. Найделом (США) и М.Л. Чоа-Бонац (Германия), содержит обзор географии, истории изучения и ключевых проблем исследования Суматры. Главная из них – взаимоотношения обитателей горных и долинных районов. Авторы “Введения” утверждают, что отношения центр–периферия, характерные для мир-систем, были взаимовыгодными для всех участников этих отношений. Возможно, что традиционное уравнение центр–долины и периферия–горные районы – предрассудок исследователей, введенных в заблуждение исходящими от жителей долин источниками и понятиями. К другим проблемам исследования авторы относят роль тамиллов и сухопутных коммуникаций в истории Суматры.

В рецензии нет возможности подробно осветить все статьи сборника, поэтому я сосредоточусь на наиболее важных в этнографическом отношении темах.

Отношения между обществами нагорий и долин различно трактуются авторами сборника. Так, Дж. Миксич в статье “Связи горных и равнинных районов в Джамби, Южная Суматра, и Западной Суматре в XI–XIV вв.” в противовес традиционному представлению о господстве низовий и устьев рек в историческом развитии утверждает, что преобладали горные районы, выходы из которых и создали широко известные полинии Малайю и Шривиджайя. Он подчеркивает, что на Суматре ни один из центров какой-либо политики не располагался в устьях главных рек – они находятся вверх по течению у впадения ключевых притоков. Историческое преобладание Палембанга (центра Шривиджайи) и Джамби (Малайю) связано с высоким плодородием их верховий, которое обусловлено вулканической активностью.

Напротив, Х. Кульке (Kulke, Германия) в статье “Горное царство Адитьявармана” доказывает, что созданная Адитьяварманом в середине XIV в. полиния была уникальным явлением для внутренних районов Суматры. Ядро его царства располагалось в области Танах Датар около озера Синггарак и холма Букит Гомбак в землях минангкабау. Кульке ссылается на отсутствие скульптуры, надписей и зданий, относящихся к предшествующим и последующим векам исторического развития: известно свыше 20 надписей Адитьявармана, но только одна – его преемника.

Антон Олегович Захаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; e-mail: Zakharov_anton@mail.ru

Выгоду от международной торговли получали и вожди горных сообществ. В частности, М. Хиросуэ (Hirósue, Япония) в статье “Роль местных информаторов в создании образа канибализма на Северной Суматре”, оспаривая традиционное представление о людоедстве среди батаков, сделал вывод, что образ людоедов создан местными вождями для поддержания собственной торговой монополии на продукты тропических земель. Вожди были посредниками между иностранцами и населением внутренних областей, которое производило перец, гвоздику и древесные смолы. Хиросуэ признает, что, культивируя идею канибализма, вожди могли создать и сам обычай, но прямых доказательств его существования, по его мнению, нет.

Важность сухопутных коммуникаций в истории Суматры доказывается археологическими исследованиями. П.-И. Мангэн (Manguin, Франция) в статье “Юго-Восточная Суматра в прото-исторический и шривиджайский периоды: отношения вверх и вниз по течению рек и заселение пенеплена” обобщил данные об археологии Шривиджайи, в том числе о раскопках храмового памятника Тингкип на территории сельской общины Сунгайджаух района Равас Улу области Мусирава провинции Южная Суматра. Тингкип расположен далеко от сухопутных частей реки и предполагает наличие сухопутных дорог между речными бассейнами Муси и Батангхари.

Роль тамиллов в истории Суматры была весьма важной. Э. Эдвардс МакКиннон (Edwards McKinnon, Индонезия) в статье “Керамика, ткани, железо и соль: взаимодействие побережий и внутренних районов в регионе Каро на северо-востоке Суматры” утверждает, что присутствие индийских торговцев на острове с IX до начала XIV в. (памятники Лобу Туа около Баруса и Кота Чина соответственно), участвовавших в торговле золотом и ценной древесной смолой, может объяснить наличие слов тамильского происхождения в языке жителей Каро батаков. Д. Бакелс (Bakels, Нидерланды) в статье “Живое прошлое Керинчи: камни, легенды и тигры” публикует фотографию круглого валуна из дер. Муак с изображением тамильского божества Муруган в процессе охоты с собакой (fig. 15-3, p. 378). Тамильское воздействие на Керинчи прослеживается и в самом топониме: он тамильского происхождения и обозначает “холмистую или гористую местность” (Bonatz *et al.* 2006: 494).

Знаменитые памятники Суматры – мегалиты – рассматриваются в ряде статей сборника. Д. Бонац (Bonatz, Германия) в статье “Неолит в горных районах Суматры: проблемы дефиниции” публикует результаты исследования мегалитических памятников Пондок (Керинчи) и Букит Бату Ларунг около Ренах Кемуму (Серампас). В обоих случаях мегалит возводился в центре поселения в сочетании со свайным домом, который был жилым помещением или залом заседаний. На памятниках обнаружены китайский фарфор, стеклянные бусины и железные орудия. Датируются они XII в. по радиоуглеродному и термолюминесцентному анализу. Мегалиты же Пасемаха Бонац относит к первой половине I тыс. н.э. М.Л. Чоа-Бонац (Тжоа-Bonatz, Германия) в статье “Мегалиты и керамика: исследование ранней материальной культуры нагорья Джамби” доказывает связь мегалитов с поселениями и их искусственное происхождение; функции же их остаются неопределенными.

Этническая история стала предметом обсуждения нескольких статей сборника. Э. Рид (Reid, Австралия) в статье “Есть ли история батаков” формулирует проблему изучения безгосударственных народов, предлагая отказаться от уподобления их истории путям развития национальных государств.

Д. Перрэ (Perret, Индонезия) в статье “Этничность и колонизация на северо-восточной Суматре: батаки и малайцы” исследует возникновение этих этнических групп. Привлекая имеющиеся археологические и письменные источники (от рассказов путешественников до документов Голландской Ост-Индской компании), Перрэ утверждает, что вплоть до XVI в. термины “батак” и “малаец” обозначали место обитания: внутренние земли и побережья соответственно, и не имели этнического смысла. XVI в. стал переломным: элиты побережий перешли к исламу и стали обозначать понятием “малаец” свой цивилизованный образ жизни. Обитатели внутренних районов с этого времени становились рабами и/или работниками на плантациях прибрежных элит, а порою их женами, и продолжали называться батаками, но теперь этот термин имел дополнительный смысл: он обозначал немусульманский, нецивилизованный образ жизни.

Новое изменение произошло во второй половине XIX в., когда на восточной Суматре возникли плантации, принадлежащие иностранцам – знаменитый Oostkust. Традиционные культуры вытеснялись, в местную структуру проникали новые социальные категории, формировавшиеся голландской колониальной администрацией (создание должности “управляющего по делам батаков”, кодификация адата на основе лишь одного из объединений местных общин *дусун*, проведение административных границ без учета подвижности традиционных коллективов). Эти мероприятия углубляли пропасть между батаками и малайцами. Миграции на северо-восток Суматры яванцев и китайцев (часто вынужденные, например, *кули*) изменили долю

местных жителей в населении региона. Постепенно сами батаки начали осознавать себя как “этническое меньшинство”. Распространение христианства немецкими и голландскими миссиями и проповедь ислама усложняли систему существующих идентичностей. К концу 1910-х годов батаки окончательно осознали себя отличным от малайцев этносом.

Дж. Д. Найдел (Neidel, США) в статье “История заселения Серампаса: разнородные источники, спорные данные и проблема исторической реконструкции” изучает доколониальную демографию, типы деревень, фортификацию, поселенческую мобильность и деревенскую территориальность в Серампаса на основе отчетов европейцев, археологических материалов, устных рассказов и малайских документов. Он приходит к выводу о существенном снижении численности населения Серампаса между началом XIX и началом XX в. Поселенческая мобильность была связана с контролем над торговыми путями. Подсечно-огневое земледелие не препятствовало устойчивому проживанию на одном месте, как показывает пример оставленной деревни Дусун Тингги, существовавшей на протяжении не менее чем 90 лет в XIX в. В фортификации Серампаса преобладают рвы и живые палисадники/изгороди из бамбука. Причины возведения этих сооружений – опасность вторжения крупных зверей, в частности тигров и слонов, и защита от других людских коллективов.

Территориальность, или представление о связи деревень Серампаса с определенной территорией, имеющей границы, подтверждается хартиями малайских султанов *тигам*, которые хранятся старейшими деревнями в качестве фамильных предметов (их опубликовала А. Т. Гэллоп – Gallor, Великобритания) в статье “*Тигам Серампас*: малайские документы с нагорья Джамби”. Датировка некоторых хартий серединой XVII в. – до проникновения в этот район колониализма – заставляет отказаться от достаточно популярного в науке мнения о чисто европейском происхождении территориальности, навязанной в ходе колониализма остальному миру.

Р. Шефолд (Schefold, Нидерланды) в статье “Традиционная архитектура Керинчи” описывает устройство “длинных домов” этого района Суматры. Шефолд сконструировал идеальный тип “юго-восточноазиатского жилого дома” (Schefold et al. 2003; 2006). К его чертам относятся: 1) трехчастная вертикальная структура (два этажа и чердак); 2) многоуровневый пол (например, в виде возвышения в комнате главы рода); 3) наклоненный вонне фронтон; 4) наклоненные вонне стены; 5) украшения фронтона; 6) щипцовая двускатная крыша; 7) характерное обращение с верхушкой и основанием дерева: к земле ставится всегда основание (комель). Длинные дома Керинчи в целом соответствуют этому типу, но есть некоторые особенности: здесь не зафиксирован наклоненный вонне фронтон, а его украшения известны лишь по рассказам о прошлом. Полностью отсутствует щипцовая двускатная крыша, известная по северным соседям минангкабау.

Р. Хандини (Handini, Индонезия) в статье “Значение тропического леса для *суку анак далам* в Джамби” исследует воздействие обезлесения на жизнь одной из этнических групп Суматры. Традиционно подвижные охотники и собиратели *суку анак далам* в значительной мере вынуждены оставить свой образ жизни: из 16 обследованных групп (ромбонгов) лишь одна может быть названа собирателями, остальные уже перешли в той или иной степени к земледелию. Они выращивают рис, каучук, масличную пальму, овощи и маниоку, хотя многие из них еще не осели на землю и сохраняют пространственную мобильность. Лишь две группы ведут оседлый образ жизни и исповедуют ислам – в отличие от традиционных верований своего народа. Они в наибольшей степени вовлечены в торговлю, ибо на рынке покупают товары повседневного спроса: рис, сахар, электрические батарейки и др. Продают они смолу ротангов, даммары и других деревьев.

М. Сакаи (Minako Sakai, Австралия) в статье “От Букит Сегунтанга до Лахата: вызовы образцовым практикам происхождения *гумай* в нагорьях Южной Суматры” описывает воздействие ислама, административных реформ и современных политических процессов на традиционные институты народности *гумай*, обитающей вокруг города Лахат одноименного района провинции Южная Суматра.

В рецензируемом сборнике есть неточности. Утверждение Дж. Миксича “Между 704 и 904 г. не зафиксировано ни одного посольства Шривиджайи в Китай” (р. 75) явно ошибочно: известны посольства 716, 724, 728 и 742 гг. (Ferrand 1922: 7–8). Традиционное мнение о господстве буддизма в этой политике (р. 440, 446) нуждается в уточнении: древнемалайские надписи VII в. свидетельствуют о почитании местных божеств вод *Tandrun Luah* в качестве покровителей монарха и хранителей клыты (Захаров 2010). Приводимые П.-И. Мангэном данные о шиваизме в Шривиджайе (р. 461) тоже свидетельствуют о существовании в ней множества верований.

Подведем итоги. Рецензируемая монография “Из старых сказок: археология и этническая история горных районов Суматры” получилась очень содержательной и полезной. Она необходима всем изучающим археологию и этническую историю Суматры.

Литература

- Захаров 2010 – Захаров А.О. К вопросу об основаниях власти в Шривиджайе // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. № 1. С. 190–199.
- Bonatz et al. 2006 – Bonatz D., Neidel J.D., Tjoa-Bonatz M.L. The Megalithic Complex of Highland Jambi: An Archaeological Perspective // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde. 2006. D. 162. Afl. 4. Blz. 490–522.
- Ferrand 1922 – Ferrand G. L’empire sumatranais de Çrivijaya // Journal Asiatique. 11 sér. T. 20. 1922. P. 1–104, 161–246.
- Schefold et al. 2003 – Schefold R., Nas P.J.M., Dominig G. Indonesian Houses. Vol. 1. Tradition and Transformation in Vernacular Architecture. Leiden: KITLV, 2003.
- Schefold et al. 2006 – Schefold R., Nas P.J.M., Dominig G., Wessing R. Indonesian Houses. Vol. 2. Survey of Vernacular Architecture in Western Indonesia. Leiden: KITLV, 2008.

ЭО, 2010 г., № 3

© Н.В. Ракуц. С интервалом в сто лет. Рец. на: *Pedro Sarmiento de Gamboa. The History of the Incas [1572]* / Trans. and eds. by B.S. Bauer, V. Smith, with introduction by B.S. Bauer and J.-J. Decoster. Austin: University of Texas Press, 2007. 285 p.

В 1907 г., всего через год после находки в Германии и издания Р. Питшманом “Истории инков” Педро Сармьенто де Гамбоа (о ней см.: ИЛЛА 1985), написанной еще в 1572 г., но так и не ставшей тогда достоянием общественности, вышел в свет первый перевод этого текста на английский язык, сделанный сэром К. Маркхэмом (*Sarmiento de Gamboa* 1907), перу которого принадлежат также и сегодня пользующиеся заслуженной репутацией переводы многих других испанских источников колониального периода. Высокое качество его работы стало причиной того, что этот текст наряду с оригиналом широко использовался в научных кругах и не только. Немаловажное значение имели комментарии, сделанные К. Маркхэмом, многое прояснявшие в “Истории” Гамбоа, особенно для людей, недостаточно знакомых с перуанскими реалиями. То, что труд К. Маркхэма не потерял своего научного значения, явствует хотя бы из его неоднократных переизданий: в 1967, 1999 и в 2000 г., причем последнее доступно и в Интернете¹.

Однако теперь перед нами и другой перевод текста Гамбоа, сделанный как бы к столетию первого издания его перевода К. Маркхэмом, в 2007 г., Б. Бауэром и В. Смит (при участии Ж.-Ж. Декостера, соавтора введения). Он также доступен в Интернете (что выгодно отличает англоязычные издания Гамбоа от испанских)². Это свидетельствует не только о большом интересе к “Истории инков” Гамбоа как таковой, но и достаточно хорошо демонстрирует, насколько изменилось ее понимание за прошедшее столетие.

Примечательно, что один из авторов нового перевода, Б. Бауэр, является и одним из крупнейших на сегодня специалистов-археологов по региону г. Куско, столицы инков до испанского завоевания. Именно благодаря его пионерским работам (как и работам его коллег – Р.А. Ковея, Г. МакЮэна и др.) за последние два десятилетия коренным образом изменились взгляды исследователей на сам процесс формирования инкской империи, крупнейшего американского государства в доколониальный период. Теперь достаточно хорошо показано на археологическом материале, что создание империи инков было именно процессом, и достаточно длительным, а вовсе не “вдруг” вспыхнувшей и молниеносно пронесшейся по Андам военной экспансией, как представлялось еще недавно. В связи с этим понятен вновь возросший интерес археологов к данным раннеколониальных испанских хроник, содержащим хотя и разноречивые, но многочисленные свидетельства самого хода этого процесса (пусть даже авторы не всегда это осознавали),

Николай Викторович Ракуц – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Латинской Америки РАН; e-mail: werwolf20012000@yahoo.com